

Мелисса Грей

Мелисса Грей

ПОЛУНОЧНАЯ ДЕВУШКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)-44
Г79

Melissa Grey
The Girl At Midnight

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
InkWell Management LLC и Synopsis Literary Agency

Оформление обложки Екатерины Климовой

Грей, Мелисса.

Г79 Полуночная девушка / М. Грей; пер. с англ. Ю. Полещук. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (О чем молчат ангелы)

ISBN 978-5-17-094291-6

Глубоко под мостовыми Нью-Йорка живут птеры, покрытые перьями и владеющие магией. Никто из обычных людей даже не подозревает о существовании этой древней расы. Никто, кроме юной Эхо, для которой птеры стали единственной семьей.

Эхо умна и отважна, а главное — бесконечно предана принявшему ее народу. И когда птерам вновь начинают угрожать люди-драконы, их извечные враги, она принимает решение действовать. Ей предстоит найти артефакты, которые, согласно пророчеству, помогут положить конец древнему противостоянию. На этом пути ее ждут потери и разочарование, надежда и любовь.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)-44

ISBN 978-5-17-094291-6

Copyright © Melissa Grey, 2015
© Ю. Полещук, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ПРОЛОГ

В библиотеку Птера пришла в поисках надежды.

Она шагала вдоль стеллажей в главном здании Нью-Йоркской публичной библиотеки, держа одну руку в кармане плаща, а второй ведя по потрепанным корешкам популярных книг и покрытым пылью обложкам томов, которые не пользовались читательской любовью. И хотя последний посетитель покинул залы несколько часов назад, Птера не снимала солнечных очков, а ее голову и шею закрывала шаль. В тусклом свете библиотеки темная кожа Птеры казалась почти человеческой, но перья вместо волос и угольно-черные глаза, большие и блестящие, как у ворона, выдавали птератуса.

Она любила книги. Они помогали забыть об обязанностях, о членах Совета старейшин, которые нуждались в помощи Птеры, единственной живой пророчицы, и о войне, тянувшейся многие десятилетия. Более века прошло с последнего крупного сражения, но угроза нападения по-прежнему существовала, и враги следили друг за другом, выжидая, когда один из них сделает ошибку и разгорится пламя, потушить которое будет не под силу никому. Пальцы Птеры замерли: ее внимание привлекло название кни-

ги. «Повесть о двух городах».* Как было бы славно почитать о чужой войне! Может, удастся забыть о своей. Птера хотела было снять книгу с полки, как вдруг почувствовала, что кто-то легонько дернул ее за карман плаща.

Резким движением Птера схватила воришку за руку. Бледная тощая девчонка крепко сжимала в крошечном кулачке ее кошелек. Широко раскрытыми карими глазами она, не моргая, таращилась на запястье Птеры.

— У вас перья растут, — проговорила девочка.

Сколько Птера себя помнила, ни один человек, увидев ее перья, не реагировал так спокойно. Она выпустила руку воришки, одернула задравшийся рукав, поправила пальто и шаль, закрывавшую голову и шею.

— Отдай кошелек.

Вместо денег в нем лежал мелкий черный порошок, который в руке Птеры наполнялся энергией, но девочке совершенно незачем было об этом знать.

Воришка подняла глаза на Птеру.

— А почему у вас перья?

— Дай сюда кошелек.

Девчонка и бровью не повела.

— А почему вы в библиотеке в солнечных очках?

— Сейчас же отдай кошелек.

Девочка перевела взгляд на зажатый в кулаке кошелек, как будто раздумывая, возвращать его или нет, а потом снова посмотрела на Птеру.

— А почему на вас шаль? Июнь же.

— Для такой маленькой девочки ты слишком любопытна, — ответила Птера. — Уже полночь. Тебя тут вообще быть не должно.

— Вас тоже, — ничуть не смутившись, ответила воришка.

* «Повесть о двух городах» — исторический роман (1859) Ч. Диккенса о временах Французской революции. Здесь и далее прим. переводчика.

Птера не удержалась от улыбки.

— И то правда. А где твои родители?

Девочка напряженно огляделась в поисках выхода.

— Не ваше дело.

— Давай так. — Птера наклонилась, чтобы ее глаза оказались вровень с девочкиными. — Ты мне объяснишь, как получилось, что ты в полночь оказалась одна в библиотеке, а я тебе расскажу, почему у меня перья.

Незнакомка бросила на Птеру осторожный взгляд, странный для такой малышки.

— Я здесь живу.

Шаркнув грязно-белым кроссовком по линолеуму, девочка взглянула на Птеру из-под густых темных ресниц и спросила:

— А вы кто?

Не девочка, а шкатулка с вопросами. Кто вы? Что вы? Почему вы? Птера дала единственно возможный ответ:

— Я Птера.

Девочка закатила глаза.

— Ну а зовут вас как?

— Человеку это не выговорить, — пояснила Птера.

Девочка изумленно распахнула глаза и неуверенно улыбнулась.

— Как мне вас называть?

— Зови меня Нашей Птерой. Ну, или просто Птерой: так короче.

Воришка наморщила носик.

— Это же все равно что звать кошку кошкой.

— Пожалуй, — согласилась Птера, — но кошек в мире много, а Птера одна.

Похоже, такой ответ малышку удовлетворил.

— А почему вы здесь? Я раньше никого ночью в библиотеке не встречала.

— Иногда, — начала Птера, — когда мне грустно, я прихожу сюда, чтобы побродить среди книг. Они помо-

гают забыть о проблемах. Как миллион друзей из бумаги и чернил.

— У вас что, нет обычных друзей? — поинтересовалась воришка.

— Да в общем, нет, — без тени печали ответила Птера. И это была сушая правда.

— Жаль. — Девочка взяла Птеру за руку и провела пальчиком по маленьким тонким перышкам, покрывавшим ее костяшки. — У меня тоже никого нет.

— И как же такая малютка пробралась сюда, да так, что никто из сотрудников библиотеки не заметил?

— Я умею прятаться, — чуть смущенно ответила незнакомка, — мне частенько приходилось скрываться. Там, дома. До того, как я пришла сюда. — Девочка решительно кивнула и добавила: — Здесь лучше.

Впервые за все время, что Птера себя помнила, у нее на глазах навернулись слезы.

— Извините, что я взяла ваш кошелек. — С этими словами девочка протянула его Птере. — Мне хотелось есть. Если бы я знала, что вам грустно, я бы выбрала кого-нибудь другого.

Надо же, совестливая воришка.

— Как тебя зовут? — спросила Птера.

Девочка потупилась, но руку Птеры не выпустила.

— Не люблю это имя.

— Почему?

Малышка дернула костявым плечиком:

— Потому что не люблю тех, кто меня так назвал.

Казалось, сердце Птеры вот-вот разобьется.

— Тогда выбери свое.

— А так можно? — с сомнением спросила девочка.

— Можно как угодно, — откликнулась Птера. — Но только подумай хорошенько, без спешки. Имена обладают силой.

Девочка улыбнулась, и Птера поняла, что сегодня вернется в Гнездо не одна. Она пришла в библиотеку в поисках надежды, а нашла ребенка. И только много лет спустя поняла, что это практически одно и то же.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В жизни Эхо следовала двум правилам, первое из которых было очень простым: не попадаться.

Она осторожно заглянула в антикварную лавку, которая ютилась в глухом переулке возле ночного рынка Шилинь в Тайбэе. Вокруг входной двери клубились волшебные чары, точно марево над горячим цементом в жаркий летний день. Если смотреть прямо, не увидишь ничего, кроме обычной железной двери без надписей и табличек, но если наклонить голову чуть вправо, то можно уловить тусклый отблеск защитных заклятий, благодаря которым лавка оставалась невидимой для всех прохожих, кроме тех, кто знает, что ищет.

Сквозь трещины в витрине в лавку сочился свет неоновых огней с рынка. Вдоль стен тянулись полки, уставленные антиквариатом разной степени сохранности. На столе посередине комнаты лежали разобранные часы с кукушкой, висевшей на растянутой пружине. Колдун, державший лавку, заговаривал в основном предметы быта, часть из которых служила довольно-таки гнусным целям. Самые черные заклятья оставляли след. Эхо не-

мало повидала колдовства на своем веку и чувствовала его: казалось, будто мороз пробегает по коже. Главное, не трогать эти вещи, тогда они не причинят вреда.

Эхо провела пальцем по краю стола. Большинство лежавших на нем предметов были изъедены ржавчиной или слишком сильно поломаны, чтобы ими пользоваться. Зеркало с серебряной ручкой было расколото посередине. Стрелки ржавых часов крутились назад. Медальон в форме сердечка был разломан пополам и расплюсчен, как будто кто-то стукнул по нему молотком. Исправна была, кажется, лишь музыкальная шкатулка. Эмаль стерлась и местами откололась, но стая птиц, украшавшая крышечку, по-прежнему была отчетливо видна. Эхо раскрыла шкатулку, и из коробочки полилась знакомая мелодия, а на подставке закружилась крошечная черная пташка.

«Колыбельная сороки», — подумала Эхо и сняла с плеча рюкзак. Птере наверняка понравится, хотя она и не признает ни дней рождений, ни подарков на этот праздник.

Эхо потянулась к музыкальной шкатулке, и тут зажегся свет. Девушка резко обернулась: в дверях стоял колдун. Взгляд его белых как мел глаз (единственное, что выдавало нежить) был прикован к руке Эхо.

— Попалась.

Черт! Похоже, кое-какие правила придуманы для того, чтобы их нарушать.

— Вы меня не так поняли, — проговорила Эхо. Не самое лучшее объяснение, но ничего другого ей в голову не пришло.

Колдун приподнял единственную бровь.

— Да ну? Разве ты не решила меня обокрасть?

— Ладно, значит, вы все правильно поняли. — Эхо уставилась поверх плеча колдуна. — Ничего себе! А это еще что такое?

Колдун быстро оглянулся, и за эту долю секунды Эхо успела схватить музыкальную шкатулку, сунуть в рюкзак, перекинуть его через плечо и рвануть к выходу, врезавшись в колдуна плечом. Тот с криком рухнул на пол, а Эхо пулей вылетела на рыночную площадь.

«Правило номер два, — подумала Эхо, на ходу стащив из продуктового ларька булочку со свиной начинкой. — Не знаешь, что делать, — беги».

Заворачивая за угол, Эхо поскользнулась на мокром от моросившего весь день дождя тротуаре. Рынок кишел покупателями, в теплом воздухе витали густые ароматы уличной еды. Эхо откусила кусок булочки и поморщилась: пар обжег ей язык. Горячо, но очень вкусно. Правду говорят: ворованное всегда вкуснее, чем купленное. Эхо перепрыгнула через мутную лужу и едва не подавилась липким тестом и свиной начинкой. Есть на бегу труднее, чем кажется.

Она пробиралась сквозь толпу, уворачиваясь от тележек с товаром и зазевавшихся прохожих. Иногда хорошо быть маленькой. Преследовавшему ее колдуну приходилось куда труднее. Сначала он врезался в ларек с булочками, потом на землю с грохотом полетел дешевый фарфор — подделки для туристов. Колдун разразился бранью. Эхо плохо понимала по-китайски, но догадалась, что он обрушил на нее и ее предков град витеиватых проклятий. Люди не любят, когда у них что-то воруют, а уж колдуньи тем более.

Эхо нырнула под тент, свисавший почти до земли, и оглянулась через плечо. Преследователь отстал, и между ними теперь было приличное расстояние. Эхо снова откусила от булки, роняя крошки на бегу. Что с того, что за ней гонится разъяренный колдун, обуреваемый жаждой мести, если сегодня она ничего не ела, кроме куса холодной пиццы на завтрак. Голод ждать не любит. Когда Эхо пробежала мимо пары полицейских, колдун крикнул им, чтобы те ее задержали. Они хотели было схватить девушку за рукав, но та улизнула, прежде чем они успели ее поймать.

«Слава богу, — подумала она, стараясь не обращать внимания на боль в мышцах. — Почти на месте».

Эхо заметила ярко освещенную вывеску станции метро Цзяньтань и выдохнула с облегчением: как только окажется на станции, останется лишь найти любую дверь, и она растворится в клубах дыма. Или, точнее, в клубах похожего на сажу черного порошка.

Эхо выбросила недоеденную булочку в урну и сунула руку в карман за мешочком, без которого не выходила из дома. Перепрыгнула через турникет, бросив через плечо небрежное «Извините!» растерянному дежурному по станции. Сзади послышался топот.

Впереди, на платформе, в каких-нибудь пятидесяти метрах, маячила дверь в подсобку, и Эхо знала, что она отлично подойдет. Она запустила руку в мешочек и достала пригоршню порошка. Сумеречная пыль. Можно было взять и меньше, но прыжок из Тайбэя в Париж легким не назовешь. Лучше перебдеть, чем недобдеть, даже если потом порошка может не хватить на возвращение в Нью-Йорк.

Эхо вымазала порошком ручку двери и ворвалась в подсобку. Колдун что-то крикнул ей, но едва за ней закрылась дверь, как его вопль стих вместе с грохотом прибывавших на станцию поездов и гулом разговоров на платформе. На мгновение остался лишь мрак. Девушка не растерялась, как в первый раз, когда путешествовала по междумирию, но все равно ей по-прежнему было не по себе. В пустом пространстве между здесь и там не было верха, низа, левой и правой стороны. При каждом шаге земля сдвигалась и коробилась у нее под ногами. Эхо сглотнула подступившую к горлу желчь и вытянула руку перед собой, не в силах расслышать и рассмотреть что-либо в вакууме темноты. Она вздохнула с облегчением, когда ее ладонь коснулась облупившейся краски двери под Триумфальной аркой.

У путешественников между мирами арка была популярной пересадочной станцией. И если повезет, то колдуну не скоро удастся напасть на след Эхо. Отследить перемещения в междумирье трудно, но все-таки можно, а колдуну с помощью черной магии сделать это куда проще. Как бы Эхо ни любила Париж весной, но надолго остаться не получится. Досадно, подумала девушка. Здешние парки в это время года очень красивы.

Эхо дошла до противоположного конца арки и оглядела толпу в поисках знакомой шапки, натянутой до бровей, чтобы скрыть яркие перья, и зеркальных солнечных очков, которые стоили больше, чем весь ее гардероб. Джаспер не отличался постоянством, но обычно слово держал. Эхо уже хотела уходить и думала, какую выбрать дверь для возвращения в Нью-Йорк, как вдруг увидела его. Загорелая кожа, блестящие очки. Джаспер помахал ей. Губы Эхо растянулись в широкой улыбке, и она рванулась к нему сквозь толпу.

Добравшись, наконец, до Джаспера, Эхо выпалила, задыхаясь:

— Принес?

Джаспер выудил из сумки, висевшей у него на плече, крошечную бирюзовую шкатулочку, и Эхо заметила, что рама двери за его спиной уже вымазана сумеречной пылью. При желании Джаспер мог быть очень внимательным, но такое случалось нечасто.

— Разве я тебя когда-нибудь подводил? — ответил он.

Эхо ухмыльнулась.

— Постоянно.

Джаспер расплылся в ослепительной, но вместе с тем зловещей улыбке, бросил ей шкатулочку и энергично подмигнул. Эхо привстала на цыпочки и чмокнула его в щеку. Не успел он отпустить в ответ какое-нибудь остроумное замечание, как девушка юркнула за дверь и скрылась в междумирье. Эхо как-то поклялась, что последнее

слово всегда останется за ней, Джаспер произнесет его разве что над ее холодным трупом, и до сих пор клятву свою держала.

Во второй раз путешествие сквозь промежуточное пространство далось ей легче, однако ее все равно чуть не вывернуло. Эхо ошупью брела в темноте и поморщилась, когда ее рука наконец-то коснулась двери. Выход на Центральный вокзал всегда был грязноват, даже по эту сторону междумирья.

«Нью-Йорк, — подумала Эхо. — Город, который никогда не бывает чистым».

Она вышла в один из коридоров, ведущих в главный вестибюль. Обогнула информационную стойку в центре зала, пробираясь сквозь толпу туристов, которые фотографировали созвездия на потолке, и пассажиров, ожидающих пригородных поездов. Ни один из них не догадывался, что у них под ногами прячется целый мир, скрытый от людских глаз. Ну, по крайней мере, от большинства. Чтобы его увидеть, надо знать, что ищешь, как в случае с той лавкой в Тайбэе. Эхо выждала несколько минут, не покажется ли колдун. А вдруг ему удалось проследить за ней до самой арки? Девушке совершенно не улыбалась перспектива привести его к своим дверям. Эхо была уверена, что колдуны — плохие гости, хотя, разумеется, этого не проверяла.

В животе у нее заурчало: несколькими кусками булочки со свининой не наешься. Эхо вспомнила потайную комнату в Нью-йоркской публичной библиотеке, которую называла своим домом, и недоеденный буррито на столе. Утром она стянула его у ничего не подозревавшего студента, который дремал, положив голову на потрепанный экземпляр «Отверженных». В этой маленькой краже была своя поэзия, потому-то Эхо и стащила буррито. Ей давно уже не приходилось воровать еду, чтобы хоть как-то прокормиться, как в детстве, но если уж подвернулась такая возможность, то грех было ее упускать.

Эхо повертела шеей, чувствуя, как сковавшее ее напряжение уходит через пальцы. Вслушиваясь в грохот прибывающих и отъезжающих со станции поездов, она постепенно расслабилась. Гул убаюкивал, точно колыбельная. Оглядев напоследок вестибюль, Эхо перебросила рюкзак через плечо и направилась к выходу на Вандербильт-авеню. Ее дом находился всего лишь в нескольких кварталах от Центрального вокзала, а на столе дожидался сворованный буррито.